
М.К. ПЕТРОВ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ТЕОРИИ

М.С. Константинов
кандидат политических наук,
Южный федеральный университет

Люди минувших эпох живы для нас благодаря особого рода общественной практике – мемориальной. Она обеспечивает постоянное присутствие прошлого в актуальном сознании и препятствует тому, чтобы мы его подменяли или сочиняли. Те, кого уже нет, продолжают общаться с нами через оставленное ими наследие. Мы находимся во власти их заветов и в каждом новом поколении стоим перед задачей осмысленного отношения к заветам, которое одно только может уберечь от слепой покорности авторитету, с одной стороны, и от предательского беспамятства - с другой.

Э.Ю. Соловьёв [35, с. 3-4]

Жизнь была одинаковая, но мы готовили себе о ней разные воспоминания.

В.Н. Сёмин [33, с. 247]

Методологические замечания

В данной работе для анализа биографий двух замечательных мыслителей XX века – М.К.Петрова и Г.П.Щедровицкого – используется методологический инструментарий социологии знания в той её версии, которая получила название «феноменологической» [2].

Однако применение названной методологии в биографическом анализе нельзя назвать беспроблемным. Прежде всего одним из методологических постулатов социологии знания оказывается приписывание «верховного статуса» реальности повседневной жизни:¹ «По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия. Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии» [2, с. 47]. Верховенство этой реальности обусловлено её интересубъективным характером.

¹ Это представление восходит к А.Шюцу и Д.Г.Миду. См, например, [31, с. 22; 41; 43].

Подтверждением и средством интерсубъективности служит язык как объективированная знаковая система человеческого общения. Язык тесно связан с повседневной жизнью.

Методологически это не самый сильный аргумент в социологии знания. В таком контексте те самые факты повседневной жизни, которым сам учёный мог не придавать абсолютно никакого значения, и будут выступать предметом анализа. Однако рассматриваемые авторы – М.К.Петров и Г.П.Щедровицкий – сами предоставляют ключ работы. В трудах М.К.Петрова, много занимавшегося социологией знания и социологией науки, одна из ключевых идей – идея различения науки для службы и науки как инструмента личного пользования, даже как одержимости. В первом случае это наука, «которую можно забыть на письменном столе или в лаборатории» [25, с. 319], «способность быть активным болельщиком науки, дивясь со стороны на ее свершения» [26, с. 219]. Такая наука воспринимается как ещё одна мифология и из её реальности действительно возвращаются в повседневную реальность «как из экскурсии».

Г.П.Щедровицкий, в свою очередь, фиксирует разрыв между двумя мирами:² «Итак, ...была действительность моего мышления и даже моего призвания, предназначения или еще чего-то. А с другой стороны, были... ситуации реальной жизни, где надо было отвечать какими-то поступками на действия других, ... реагировать на что-то, или наоборот, не реагировать, исключать, определять, оценивать... Весь вопрос заключается в том, какое отношение устанавливается между этими двумя мирами: что с чем мы соотносим, и какой из этих миров мы считаем главным и определяющим» [42, с. 146-147].

Поскольку индивидуальное восприятие «мира реальных ситуаций» обуславливается «биографической ситуацией» [31, с. 57; 40], важное методологическое значение приобретает понятие седиментации социального (биографического) опыта: «Лишь небольшая часть человеческого опыта сохраняется в сознании. И тот опыт, который сохраняется в нем, становится осажденным (седиментированным), то есть застывшим в памяти в качестве незабываемой и признанной сущности. До тех пор, пока не произошло такой седиментации, индивид не может придать смысл своей биографии» [2, с. 113].³

Итак, отправными для данного исследования служат следующие идеи. С.С.Неретина формулирует проблему изучения биографии и творчества М.К.Петрова следующим образом: «О господствующем в наше время типе ученых ... можно сообщить предельно унифицированный набор данных: родился, окончил школу, аспирантуру, защитил диссертацию. В таком-то году опубликовал работу, послужившую началом таких-то идей или открытий. Элементарное построение некролога или биографических книг, имеющих структуру развернутого некролога. [...] Его путь был иной. Его можно уподобить пути средневеко-

² Уже с седьмого класса средней школы для Георгия Петровича любимым стало выражение Салтыкова-Щедрина: «Есть жизнь, а есть концерты». В «концертах» принимать участия он не хотел [42, с. 140].

³ Ср. аналогичное место у А.Шюца [41, с. 130].

вого подвижника. Каждый определенный отрезок времени – испытание воли» [18, с. 3; 19, с. 7].

Идею С.С.Неретиной о подвижническом пути М.К.Петрова и идею Г.П.Щедровицкого о призвании учёного следует считать основополагающей для настоящего исследования.⁴ Тогда работа биографа должна быть направлена на выявление ключевого момента в жизни мыслителя – осознание главной проблемы его жизни, на исследование того, что мыслитель сам считал своим призванием, чему он отдавал свои силы: «Личность обычно кристаллизуется вокруг известного основного целеустремления, идеала, который чем дальше, тем больше определяет предпочитаемый ею тип поведения» [35, с. 33]. Задача биографа – распознать те значения, которыми мыслитель **сам** наделял события внешней жизни, и через это увидеть его жизненный опыт, седиментированный в памяти мыслителя.

Поэтому для нас интереснее будут даже не реальные события жизни двух замечательных учёных – М.К.Петрова и Г.П.Щедровицкого, – а то, как эти события интерпретировались самими этими учёными, какие из этих событий остались в их памяти, а какие нет и т.д. Как конструировалась научно-философская реальность на наличном социальном опыте?

При этом повесть М.К.Петрова «Экзамен не состоялся» и воспоминания Г.П.Щедровицкого «Я всегда был идеалистом...» рассматриваются как седиментированный биографический опыт и в качестве такового – как важнейший источник для осмысления биографий двух мыслителей.

Михаил Константинович Петров: биография

Судьба Михаила Константиновича, как это ни парадоксально, типична для мыслящих людей. Если слово «мыслящий» синонимично стойкости, мужеству, ответственности, нравственности.

С.С. Неретина [18, с. 17]

Михаил Константинович Петров родился 8 апреля 1923 года в г. Благовещенске (Амурская область). Его отец был партийным работником, начальником отдела народного образования Уссурийской железной дороги. Отец умер, когда Мише было около семи лет. Мать тоже партийная, учительница, имела два ордена – Ленина и Трудового красного знамени. Согласно воспоминаниям супруги М.К.Петрова Гали Дмитриевны Петровой, мать была очень мудрая, с твёрдым характером и в этом духе воспитывала сына. К общим характеристикам семейных традиций можно отнести следующие: «Мне кажется, что у них была какая-то целеустремленность, желание что-то делать, чего-то добиваться... Они

⁴ Похожим образом формулирует проблему и О.И.Генисаретский [4, с. 1992]. Интересно, что сам Генисаретский сравнивает «сообщества», подобные ММК, с монастырями.

работоспособные очень. Вся семья. И потом ... какая-то правильность в них была, какие-то правильные они были люди, понимаете? [...] Серьёзные, неподкупные, справедливые, принципиальные и порядочные» [9].

Можно предположить, что эти семейные традиции были получены в наследство от старшего поколения – дедушки и бабушки. Дедушка Михаила Константиновича был человеком верующим – молоканином. Молоканство представляют собой одну из сект духовных христиан и при этом существенно напоминает протестантские религиозные движения.⁵ Мы предполагаем определённое влияние, опосредованное семейными традициями, молоканства на мировоззрение Михаила Константиновича. Это проявилось, в частности, в его неприятии иерархии; в критике различных форм социального фетишизма; в уклонении от видимого участия в политике с одновременным выстраиванием независимого «храма внутри самого себя»; в особой форме политического противостояния – в погружении в работу и отказе от «покаяния в грехах» (допущенных ошибках) перед лицом «голосующих истину» вместо открытого протеста; в постоянном преодолении «попа в голове»;⁶ в романтическом гуманизме; в определении ответственности и самодисциплинированности в качестве главных необходимых свойств современного человека;⁷ в критике «антично-христианских корней современной науки»⁸ и т.д.

Знавших М.К.Петрова потрясала его мудрая – почти религиозная – терпимость к любым неприятностям: «Терпимость его, кажется, ничто не могло утомить или заставить врасплох. Она поднимала его над прошлой работой в разведке, над нынешней его работой, над нашими походными неожиданностями. Как будто он все время помнил что-то более важное. Но что? И почему у меня перед этой терпимостью смесь уязвленности и превосходства?» [33, с. 589].

Ещё один интересный момент: перенос самим Петровым надежд на признание собственных заслуг, результатов исследований *post mortem*⁹: «Одержимых редко чествовали при жизни, чаще украшали венками могилы. [Однако] если мы кому и обязаны из предшественников, то не отступникам от истины, а тем, кто шёл до конца» [25, с. 320]. Даже в его поразительной работоспособности проявляется некоторая одержимость, корни которой можно

⁵ Так, М.М.Ковалевский в книге «Интеллигенция в России» (1910г.) прямо называет молокан одной из «наиболее передовых сект протестантизма». Интересно также, что историк Н.И.Костомаров связывает возникновение сект молокан с «развитием в русском народе рациональных умствований» [14, гл. XIV]. В.Шубинский в послесловии к книге М.Эпштейна «Новое сектантство» также отмечает уникальность существовавших в России сект «протестантского типа» – молокан, духоборов и т.д. [40, с. 234]. Особенный интерес представляет сложный характер взаимоотношений молокан с государственной властью [34; 20, с. 157].

⁶ Уже в ранних работах встречаются высказывания такого рода: «Вот нам и кажется, что сегодня очень нужна нам "человеческая мифология", и что именно в создании такой мифологии, способной занять место "попа в голове", – задача и смысл существования современного искусства» [28, с. 176].

⁷ По Петрову, в современном мире требуется «свободный, научно-грамотный, сознающий границы собственной свободы и ответственности человек-творец» [26, с. 186].

⁸ Реликты воспроизводящейся в науке религиозности: вера в абсолют, авторитет, порядок, неисчерпаемость нового, запрет противоречия и т.д.

⁹ По свидетельству Г.Д.Петровой, Михаил Константинович говорил: «Меня будут публиковать после смерти».

найти скорее в семейных традициях, чем в современной ему культуре. За что бы он ни брался, ко всему относился очень серьёзно и ответственно: «Все, что он ни делал, было действительно стремлением сделать нечто правильно, то есть истинно. Отсюда неумение рисоваться, способность моментально и сосредоточенно оценивать любую ситуацию, встречаться с любой опасностью и принимать жизнь такой, какой она достается» [20, с. 5].

В школе Михаил Константинович учился очень хорошо – в аттестате были все «пятерки». В 1940 году он поступает в Ленинградский кораблестроительный институт. Среди исследователей биографии М.К.Петрова нет единства в понимании того, чем был обусловлен выбор именно этого института. Объём статьи не позволяет нам вступать в дискуссию. В любом случае, учёбу в институте Михаил Константинович не окончил: с началом войны он попал со второго курса института во фронтовую разведку на Ленинградском фронте.

Очевидно, война стала одним из поворотных пунктов в его судьбе. Однако мы до сих пор практически ничего не знаем об участии Михаила Константиновича в Великой Отечественной войне. Знаем только, что он «прославился умением выходить живым из немыслимых ситуаций, как то было, например, в Пенемюнде во время сбора сведений о первой немецкой ракетной установке» [20, с. 75]. Наше незнание обусловлено двумя причинами: во-первых, спецификой военной «профессии» М.К.Петрова,¹⁰ во-вторых, нежеланием самого Михаила Константиновича обсуждать эту тему: о войне он рассказывать не любил. В ответ на вопросы о войне он обычно говорил только: «Война – это грязь».¹¹ В результате даже близкие люди и друзья почти ничего не могут рассказать об этом периоде жизни М.К.Петрова.

Война – всегда сложный и противоречивый опыт для человека. Попробуем хотя бы частично реконструировать его. По-видимому, главное (применительно к задачам нашего исследования), что Петров вынес из своего участия в войне, состояло в осознании относительности моральных норм и, соответственно, в нежелании судить поступки других людей: «В моральном приговоре всегда есть покушение на силу. "Я лучше". Да? А уже если говорить о войне, то там все моральные приговоры пересматривались» [33, с. 590]. Можно предположить, что война побудила М.К.Петрова к переоценке ценностей. При этом, что очень важно, его этическая мягкость относилась к другим людям, проявляясь в нежелании судить поступки других людей, но не к самому себе: внутренний стержень его так и остался не сломленным.

Люди, никогда не участвовавшие в боевых действиях, с лёгкостью судят о поведении других людей в экстремальных условиях. А.А.Зиновьев, тоже участ-

¹⁰ С.С.Неретина пишет: «Хорошо бы и, вероятно, пора ГРУ раскрыть архивы, проливающие свет на деятельность М.К.Петрова во время войны: несомненно, мы узнаем много важного о его разведдеятельности и в Пенемюнде, и в других местах» [20, с. 47, сноска 3].

¹¹ Г.Д.Петрова: «Он был в армии, но в блокаде одно время и, конечно, это оставило неизгладимое впечатление. Трупы подо льдом; общее мытье в банях... и я очень жалею, что фотографию выбросила... Он там как скелет, на этой фотографии...».

ник войны, высказал как-то точно такую же мысль, правда по другому поводу: «...Если человек поставлен в условия, которые ниже некоторого минимума, необходимого для практической применимости норм морали, то бессмысленно применять к его поведению моральные критерии. [...] Безнравственно требовать от человека быть нравственным, если нет минимума жизненных условий для того, чтобы от человека можно было требовать нравственности» [6, с. 66].

Интересно, что подобное отношение к моральным нормам зафиксировано и Г.П.Щедровицким. О студентах-фронтовиках он вспоминал: «В подавляющем большинстве своем эти люди уже знали две очень важные жизненные вещи. Первое – что жизнь страшна. ...Они прошли войну, они знали, что такое смерть, они прошли через испытание на выживание, и многие из них пришли сюда [в университет – М.К.], чтобы заниматься физикой и здесь найти пропуск в будущую жизнь, и сделали они это совершенно сознательно. (...) И вторую вещь эти ребята тоже поняли – важнейший пункт, который вообще определяет первые послевоенные годы. Они поняли, что есть "лошадь", а есть "всадник". Что можно быть либо погоняемым, либо погонять самому. И никакой промежуточной позиции нет. Поэтому они пришли на физический факультет, чтобы получить некоторую жизненную перспективу. И в этом смысле они достаточно четко знали и понимали, чего хотят. В отличие от меня» [42, с. 168]. Или в другом месте, ещё более определённо: «Это были уже взрослые люди, так сказать, выдавшие виды и поэтому резкие и откровенные до циничности» [42, с. 252].

Итак, Георгий Петрович фиксирует «важнейший пункт, который вообще определяет первые послевоенные годы». И всё же М.К.Петров отказывался «быть всадником», что явно отличает его от основной массы фронтовиков-«прагматиков». Ещё один важный момент. По свидетельству Г.П.Щедровицкого, бывшие фронтовики были люди, знавшие все ужасы войны, но «познавшие, что такое доброта, и понявшие необходимость широкой точки зрения и такого взгляда, который берет на себя ответственность за целое – за жизнь какой-то системы культуры, за жизнь страны и т.д.» [43, с. 18]. Об этой же ответственности за судьбы страны говорят герои повести М.К.Петрова «Экзамен не состоялся».

Особые способности и тяга к изучению языков стали причиной, по которой в 1944 году Петрова откомандировали с фронта на учёбу в Военный институт иностранных языков, готовящий кадры для разведработы за рубежом. В институте Петров специализируется для выполнения спецзаданий в Греции. Тяжелейшим в моральном плане был для Петрова опыт участия в начале 50-х годов в эвакуации греческих партизан-коммунистов движения Соппротивления в Советский Союз. Михаил Константинович, согласно воспоминаниям близких и друзей, до конца жизни тяжело переживал этот эпизод: он выступил невольным участником предательства советской властью эвакуированных греческих коммунистов.

С отличием окончив институт в 1949 году,¹² Петров был оставлен преподавателем в институте, где и проработал три года. Общая обстановка в стране в первое послевоенное десятилетие была крайне сложной. С одной стороны, народ выиграл тяжелейшую войну. Связанное с этим воодушевление можно выразить фразой из кинофильма режиссёра Л.Быкова «В бой идут одни старики»: «Будем жить!». Другая сторона была крайне неприглядной и от её описания уклонялись и многие писатели, и режиссёры. А.А.Зиновьев свидетельствует: «Бесспорно, окончание войны было огромной радостью для всего населения страны. Но плодами победы и достоинствами наступившего мира воспользовались далеко не все. Для большинства русских наступил период, может быть, еще более трудный, чем во время войны. Плодами победы воспользовались прежде всего самые ловкие приспособленцы и те, кто по своему положению в обществе попадал в привилегированные слои. Это ощущалось и в армии» [7, с. 236].

С 1952 года Петров становится начальником кафедры иностранных языков Ростовского артиллерийского училища. Здесь он преподаёт английский язык до своей демобилизации в 1956 году в связи с общим сокращением армии. Это сокращение, по мнению А.А.Зиновьева, было связано с тем, что «по окончании войны усилилось моральное разложение участвовавшей в боях армии. Упала дисциплина. Заставить людей, видавших смерть в лицо, безропотно подчиняться начальству и выполнять уставные требования было невозможно практически» [7, с. 238]. Зиновьев так охарактеризовал общее настроение демобилизуемой армии: «этот социалистический бардак надо взорвать к чертовой матери»; «перевернуть все дома», «начать жить по-новому» [7, с. 241]. По его мнению, «во время войны в стране наметился перелом огромного исторического значения. ...Он ... ощущался во всем, проявлялся в бесчисленных житейских мелочах» [7, с. 242-243]. В таком контексте понятно утверждение В.Н.Садовского: «Вторая половина 40-х – начало 50-х гг. – это пик коммунистического идеологического мракобесия» [32, с. 16]. Как следствие, участие в войне «вплоть до конца 1950-х гг. ... вызывало настороженность советской власти. Она предпринимала последовательные действия для недопущения фронтовиков на ключевые социальные роли» [15, с. 99].¹³

Оказавшись в связи с сокращением армии в ситуации «лишнего человека», вынужденного радикально менять профессию, Михаил Константинович отправляется в Москву с тем, чтобы поступить в Московский авиационный институт. Однако в институт он не поступил; в поисках средств к жизни он занимается разнообразными видами заработка, в частности, сопровождает греческие парламентские делегации. Этот период также можно считать переломным: поиски работы, поиски «своей судьбы» в ситуации, когда ты вдруг оказываешься «лишним» – всё это окажет несомненное влияние на его

¹² По свидетельству Г.Д.Петровой, Михаил Константинович был в институте сталинским стипендиатом.

¹³ См. также по этому поводу [38].

последующие научные поиски. Одна из ключевых идей М.К.Петрова: в европейском обществе ситуация «лишнего человека» воспроизводится неоднократно в процессе жизни индивида, в эту ситуацию его ставит система институтов воспитания/образования.¹⁴

В 1956 году Михаил Константинович поступает в аспирантуру Института философии АН СССР. И снова остаётся только предполагать, чем был обусловлен его выбор – дискуссия среди исследователей биографии М.К.Петрова не окончена. Мы считаем, что Михаил Константинович сам ответил на данный вопрос, выписав в своей повести «Экзамен не состоялся» (1959 г.) собирательный образ, состоящий из образа некоего Лёньки, ищущего «правду», едва намеченных образов Игоря и Якова, «погибших» – первый для философии, второй физически – и, наконец, образа аспиранта Юрия Шатова. В этом собирательном образе многое – от самого Михаила Константиновича. Лёнька – вернувшийся из армии, – «покосился парень, как гнилой сруб, куда упасть прикидывает. То в шофера, то в крановщики, а теперь пристал – в университет. [...] Пойду, говорит..., правды искать» [24, с. 137]. Игорь – «сбросивший погоны, удивленный и немного разочарованный тылом лейтенант-артиллерист. Восторженный и не очень грамотный» – разочаровывается и в философии, советуя подруге Викторине: «Уйди из философии» [23, с. 135]. Он «прошел войну..., но так и не постиг искусства уходить в афоризмы, пытался быть поэтом в науке и не сносил головы» [23, с. 119]. Яков – «погиб и знал, что погибнет. Пришел за неделю до ареста прощаться. [...] Остался вот портрет да слова друга. Грустные слова: "Привет, Митя, время придет, и мы напомним о себе вам, живым. ...Когда пройдет пора авторитетов, встанут перед вами задачи, непосильные для одного или десятка, когда понятие "коммунист" будет означать не только "исполняю", но и "думаю", – выпей за нас, неопознанных в общей свалке. За нас, имевших несчастье заглядывать слишком далеко"» [24, с. 140-141].

Один из главных героев повести – Юрий Шатов – при сдаче кандидатского экзамена по философии «позволил себе сказать лишнего», с чем связано решение экзаменационной комиссии «считать экзамен не состоявшимся» [23, с. 125]. Шатов определяет место коммуниста-философа «не в обозе и не в оркестре, а в разведке. И, как разведчику, философу не нужно бояться вымазаться в грязи, залезть в болото. Дело не в том, чтобы выйти сухим из воды, а в том, чтобы застраховать основные силы от неожиданностей. А парады, барабанный бой – это не по философской части, это и без философии можно...» [23, с. 125]. Каждый коммунист-философ имеет право «не верить ЦК, а знать», более того он «не только имеет право, но обязан знать» [23, с. 124].

¹⁴ «...Независимо от частных случаев срыва налаженных ассоциативных связей по множеству причин личного порядка, общество нашего культурного типа, использующее вполне определенные воспитательные институты, массово и закономерно воспроизводит диссоциированных индивидов как типичное явление, для определенных возрастных групп, проводит через эти срывы ассоциации всех будущих субъектов деятельности» [29, с. 53].

Вместе с тем, Петров ясно понимает ситуацию в философии,¹⁵ характеризуя её устами философа Дмитрия Ивановича Модестова: «...Если ищешь, где полегче, философию обойди. Да и не в моде она...» [24, с. 139]. Но в ответе Лёньки можно увидеть осмысление собственного призвания: «Хотел бы полегче, остался бы в армии на сверхсрочную. До коммунизма в казарме бы и дотянул... Поглядел я, как люди живут. Сами вроде не знают, чего хотят. И в армии, и на гражданке. Все больше мелочами интересуются... А общего не видно... Куда идем? А? Слова-то есть: коммунизм, лучшее будущее... А что за ними, за словами? Как щенята слепые. Ведут – и идем. Топить ведут, к хорошей жизни ведут – нам все равно. А я не хочу, чтоб вели. Сам хочу идти. Еще и дорогу выбирать, чтоб проще и быстрее дойти. А может, погляжу, куда ведут, да и не захочу идти-то, а? ...Я знать хочу, что и для кого строим. Откуда вы... знаете, что дом? А? Может, вовсе не дом, а всенародные Бутырки? Может, сами себе одиночки по вашей правде строим?..» [24, с. 139].

Интересно, что описываемая позиция перекликается со свидетельством Э.Ю.Соловьёва, который так охарактеризовал представления аспирантско-студенческой среды конца 50-х – начала 60-х годов: «Все мы... исповедовали понятие философии как строгой науки, способной противостоять идеологическому иррационализму и свободной от комплекса неполноценности в отношении физики, биологии или политической экономии. Тема коренного различия философии и науки еще не проложила себе дорогу» [36, с. 110]. Более того, по мнению О.И.Генисаретского, авторитет сциентистско-технологической идеологии (матлогики, семиотики, кибернетики, потом системного подхода, проектирования, системотехники и т.д.) в социально-культурном отношении («мировоззренчески, ценностно») имел тогда «освободительное значение. Это вплотную связывалось с освобождением от зашоренности официальной науки, от официальной идеологии» [4].

Петров чётко фиксирует конфликт поколений в философии 50-х годов,¹⁶ когда старому «сталинскому» поколению «и говорить, и молчать неудобно» [24, с. 140]. «Странное что-то творится после Венгрии. Мечутся в верхах, а низы во всем разуверились. Пробуют "жать сок" из думающих, а получается какая-то ерунда. "Правда" и "Коммунист" бьют, а думающие не замолкают... Обиженная верхушка осуждает, а обидчики находят способы не соглашаться...

¹⁵ Один из главных героев повести – философ Дмитрий Иванович Модестов – всё чаще задаётся вопросом: «Есть ли вообще советская философия?» [24, с. 131]. При этом собственную роль в философии он оценивает весьма трезво: «...Откровенный враг в нашей обстановке мог бы действовать только так, как я и мне подобные...» [24, с. 131]. Г.П.Щедровицкий так охарактеризовал ситуацию в философии конца 40-х годов: «... Ситуация жесткого разрыва между тем, что могли предложить преподаватели философского факультета и традиция философии в России, и острой потребностью в восприятии и понимании мира в условиях, **когда кожа фактически снята**» [43, с. 18; выделено мной – М.К.].

¹⁶ О ситуации в философии того времени подробнее см. две замечательных статьи [32; 30; 42]. В своих публичных лекциях «На досках» Георгий Петрович Щедровицкий так характеризует ситуацию в философии тех лет: «...С одной стороны, полное отсутствие философской проблематики, людей, способных работать в философии на официальных местах – преподавателей и учителей, а с другой – невероятно интересные студенческие колллективы, в которых были и вчерашние школьники, и люди, прошедшие войну...» [43, с. 18].

Верхушка почему-то пятится. Что же это? Оттепель перед морозом или весенний заморозок? Оттепель или заморозок – вот в чем вопрос!» [24, с. 128]. Отсюда и отношение к «молодому дарованию»: «Пусть уж сам добирается до истины, университет поможет стать на ноги... Поможет?.. А вдруг как Игорю? А может, научит подленько балансировать на грани дозволенного, маскировать мысли? Хочется сказать парню что-то доброе, обнадеживающее, просто ласковое. Но слов не находится...» [24, с. 140]. В то время, как, по Петрову, «бывает, одним свистом человека спасти можно» [24, с. 140].

Итак, выбор Петровым философии не был случайным – он был осознан как выбор пути, соответствующего собственному призванию: понимать ситуацию и «спасать» людей словом («свистом»). В этом выборе прослеживается основание всего мировоззрения М.К.Петрова: острое ощущение ответственности за собственную страну и нежелание принять ситуацию, когда «тебя ведут», стремление «идти самому» и понимать, «куда идем». Трагичность ситуации, описываемой Петровым – в ощущении обречённости, в том, что его герой Яков «погиб и знал, что погибнет» [24, с. 140]. Поэтому исходить из «наивности» М.К.Петрова, который мог «не понимать ситуацию» и не предвидеть последствий своей повести – глубочайшее заблуждение и несправедливость по отношению к автору.

Отличие же хрущёвского времени от времени сталинского – в том, что смерть не была физической, она была иной: «Петров был одним из тех, чье имя в течении двух десятилетий пытались стереть из памяти современников» [20, с. 7]. Но даже не это самое страшное для Петрова: не память современников его волновала, а продвижение идей (поэтому он не противился распространению своих идей без ссылок на автора, полагая, что «мысль потому и всеобща, что ею все могут пользоваться, изменяя при употреблении» [19, с. 5]). Гораздо более трагично заканчивается повесть «Экзамен не состоялся». Юрий Шатов, который был готов на самопожертвование во имя высоких идей¹⁷ примиряется с действительностью, отступает перед давлением прозаических житейских дел и проблем: он защищает диссертацию, он женат и о прошлом вспоминает так: «Странное было время... Смешное какое-то...» [24, с. 141]. Юношеский романтизм растворяется в «коммунальных отношениях».¹⁸

1956-1965 годы – знаковые для советского общества. XX съезд; критика «культы личности»;¹⁹ реабилитация и амнистия политзаключённых; реорганизация государственных органов, партийных и общественных организаций с целью «демократизации» жизни общества; разработка новой Конституции СССР; оживление в литературе, искусстве и науке (статьи в «Новом мире»

¹⁷ В частности, Шатов говорит: «Вряд ли обойдется без жертв, но нас много, будет еще больше...» [23, с. 127]. Или в другом месте: «Жить хочется, Володя. Понимаешь, жить, как все. Не задумываясь, чему-то веря, на что-то надеясь. [...] А **впереди такое, что может смять тысячи таких, как я**» [23, с. 132; выделено мной – М.К.].

¹⁸ Есть целый ряд свидетельств о стремлении М.К.Петрова избежать поглощения трясиной мещанства.

¹⁹ Замечательный образ этого события предложен А.А.Зиновьевым: «римский папа собирает кардиналов и торжественно объявляет: "Бога нет!"». Приводится по [17, с. 122].

В.Померанцева, В.Овечкина, Ф.Абрамова, М.Лифшица, И.Эренбурга и др.; публикация произведений А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор» и в то же время – «дело Пастернака», хрущёвская критика писателей и поэтов А.Вознесенского, Д.Гранина, В.Дудинцева, Е.Евтушенко и др.); образование Объединённого института ядерных исследований в Дубне; создание Сибирского отделения Академии наук СССР; запуск первого космического спутника; полёт первого человека в космос; Карибский кризис – лишь наиболее заметные события того времени. С.С.Неретина так охарактеризовала эти годы: «Время круто изменилось за период одних лишь Шестидесятых. Одни и те же люди в их начале и в конце были разные люди... В конце Шестидесятых только слепой мог верить в коммунистическую идею, в партию вступали из карьерных соображений. Но в начале Шестидесятых таких идеалистов было еще много. К тому же Коммунистическая партия, поддерживаемая мощью КГБ и Армии, была олицетворением силы. Считалось, что лишь с ее помощью можно преодолеть и "культ личности" Сталина, оборотной стороной которого был ГУЛАГ. В партию вновь пошли интеллигенты, поставившие утопическую цель преобразовать ее» [20, с. 8]. И действительно, цель, которую ставит перед собой Юрий Шатов, состоит в следующем: «Мы не уйдем из партии и не поднимем на нее руку. Мы завоюем ее изнутри. А когда завоюем, сделаем ее тем, чем она должна быть, – орудием построения коммунизма. [...] Ради этого нужно быть философом. С дипломом или без диплома – это уже дело десятое...» [23, с. 127]. Это подтверждает и Г.Д.Петрова: «Михаил Константинович не был разрушителем. Он не был диссидентом. Он не собирался уезжать за границу. И, хотя он многое понимал, в партию хотел вернуться. Даже просто для того, чтобы добиться справедливости» [9].

Ко времени окончания аспирантуры в 1959 году М.К.Петров подготавливает к защите кандидатскую диссертацию «Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода». Но защита не состоялась из-за принципиальных расхождений с научным руководителем чл.-корр. АН СССР Михаилом Александровичем Дынником²⁰ (последний специализировался в истории философии). Мы не можем осуждать М.А.Дынника за этот поступок.

Действительно, «было бы поверхностным предполагать, что сталинистская традиция сразу же, с 1953 г., прерывается и исчезает в ... порывах новаторства и жажды обновления. Она не только еще сильна, но все еще господствует и в руководящих органах, и на ниве высшего гуманитарного образования, и в специализированной науке, в журналах и издательствах. Очень скоро выставят "гносеологов" из Университета²¹, одернут Кедрова, Шаумяна и наше издание ["Философской энциклопедии"] в связи ... со статьей "Культ личности", расскасируют сектор исторического материализма Института философии АН

²⁰ Для того, чтобы составить себе представление о М.А.Дыннике, можно просмотреть ряд статей: [8; 1; 32].

²¹ Речь идёт о знаменитых «тезисах гносеологизма» Э.В.Ильенкова-В.И.Коровикова, тогда преподавателей философского факультета МГУ. «Гносеологи» подверглись гонениям: Э.В.Ильенкова лишили права преподавания на факультете, В.И.Коровикова «изгнали из философии навсегда» [32, с. 28].

СССР, руководимый В.Ж.Келле, и т.д. и т.п.» [12, с. 76]. Тем не менее, следует зафиксировать этот факт: через шесть лет после смерти Сталина и через три года после XX съезда М.А.Дынник не допускает к защите диссертацию М.К.Петрова по причине «принципиальных расхождений».

По окончании аспирантуры М.К.Петров избирается по конкурсу заведующим кафедрой иностранных языков Ейского высшего военного авиационного училища лётчиков (ЕВВАУЛ). Однако и здесь он проработает недолго. Причиной его увольнения послужит упомянутая выше повесть «Экзамен не состоялся». В июне 1960 года Петров отправляет повесть в ЦК КПСС на имя Н.С.-Хрущёва. В сопроводительном письме он объясняет, что в повести изображена обстановка, сложившаяся в одном из учебных заведений в условиях культа личности Сталина, выражает надежду, что его произведение «явится затравкой для откровенного разговора перед [XXII] съездом партии», будет способствовать «детальной разработке теории строительства коммунизма» [цит. по: 37, с. 116]. Это событие также станет одним из ключевых в биографии М.К.Петрова:²² «Из ЦК КПСС повесть была направлена в Ростовский ОК КПСС, а оттуда в политуправление СКВО. В апреле 1961 г. политотдел Ейского военного училища лётчиков рассматривает персональное дело М.К.Петрова. В июле 1961 г. парткомиссия при Главном политуправлении Советской Армии и Военно-Морского Флота подтверждает решение партбюро учебно-летного состава и парткомиссии при политотделе ЕВВАУЛ, парткомиссии при политотделе военно-воздушных сил Северо-Кавказского военного округа и парткомиссии при политуправлении этого военного округа об исключении М.К.Петрова из членов КПСС: «...за недостойное поведение, выразившееся в написании и послании в ЦК КПСС повести антипартийного содержания». 1 июня этого же года М.К.Петрова увольняют с работы в Ейском авиационном училище по пункту «В» статьи 47 КЗОТ РСФСР. В июле 1962 Комитет партийного контроля при ЦК КПСС не находит оснований для восстановления М. К. Петрова в партии» [5, с. 9-10].

После увольнения из ЕВВАУЛ по 1964 г.²³ М.К.Петров занимался вопросами общей лингвистики: «В результате этих исследований у М.К.Петрова складывается оригинальная концепция роли языка в становлении человеческой психики» [5, с. 10].

С 1965 г. М.К. Петров работает на кафедре философии: «Хотя в 1965 г. его просьба о восстановлении в партии и отклоняется городским и областным комитетами КПСС, партийные власти не возражали против его использования по специальности. И успешно защитив в феврале 1967 г. кандидатскую диссертацию „Философские проблемы "науки о науке"“,²⁴ М.К.Петров в сентябре

²² Биографы М.К.Петрова сходятся во мнении о значимости данного события в его жизни. Наша позиция изложена в [13].

²³ С сентября 1962 г. М.К.Петров стал работать преподавателем кафедры иностранных языков Ростовского государственного университета.

²⁴ История защиты кандидатской диссертации М.К.Петровым интересна сама по себе (в архиве автора данной статьи есть ряд свидетельств, демонстрирующих всю сложность этого события), однако за ограниченностью места изложение этой истории я опускаю.

этого же года с кафедры иностранных языков переходит работать преподавателем кафедры философии РГУ» [5, с. 10]. К этому времени в РГУ сформировалась «сильная в творческом отношении группа специалистов по гносеологии, истории философии, истории науки и науковедению... (М.К.Петров, А.В.Потемкин, Э.М.Мирский, В.Н.Дубровин, Ю.Р.Тищенко и др.)» [32, с. 42].

Этот период работы на кафедре философии РГУ – с 1965 по 1970 гг. – был для М.К.Петрова более чем продуктивным в творческом отношении: написаны три монографии,²⁵ ряд очерков²⁶ и статей. В философских кругах М.К.Петрова ценили как специалиста в области античной философии,²⁷ которому редакция «Философской энциклопедии» заказала более двух десятков статей, как автора оригинальных идей по науковедению, одним из зачинателей которого в СССР он стал. Так, Ю.А.Шрейдер вспоминает конференцию в Обнинске, «где "царил" М.К.Петров, человек с примечательной биографией бывшего разведчика и первоклассными науковедческими идеями. Ему принадлежит идея о том, что университетское образование было порождено безбрачием западного духовенства, ибо из-за этого они не могли передавать профессиональные знания через семью детям» [39, с. 179].

Однако из Ростовского университета М.К.Петров был уволен 1 июля 1970 г. «на основе решения парткома РГУ о невозможности его использования на преподавательской работе по философии» [5, с. 11]. «Осознание» философскими властями «невозможности... использования» было вызвано публикацией М.К.Петровым статьи «Предмет и цели изучения истории философии» в журнале «Вопросы философии» (1969 г., № 2). Этой статьёй М.К.Петров включился в дискуссию по проблемам истории философии как науки, открытую публикацией статьи П.В.Копнина «К вопросу о методе историко-философского исследования».

Эта статья, как и вышеупомянутая повесть «Экзамен не состоялся», сыграла роковую роль в судьбе философа. После публикации статьи и последовавшего увольнения из РГУ публикация других работ М.К.Петрова стала фактически

²⁵ «Античная культура» (1966 г., опубликована в издательстве РОССПЭН в 1997 г.), «Социальная природа самосознания и научного творчества» (1967 г., опубликована под несколько изменённым названием «Самосознание и научное творчество» в 1992 г. в издательстве Ростовского университета) и «Искусство и наука» (1968 г., опубликована в 1995 г. в издательстве РОССПЭН).

²⁶ «Человек и наука» (1965 г., опубликован в 1992 г. в издательстве Ростовского университета в сборнике «Самосознание и научное творчество»), «Возникновение опытной науки в Европе XVI-XVIII веков» (1968 г., опубликован там же), «Пираты Эгейского моря и личность» (1966 г., опубликован в 1995 г. в сборнике «Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность» в издательстве РОССПЭН). и др.

²⁷ «... В 1966 году он [М.К.Петров] выступает на семинаре молодых преподавателей и аспирантов кафедры философии РГУ с докладом «Пираты Эгейского моря и личность»... В данной статье, как и в написанной в этом же году монографии – «Античная культура», М.К.Петров подводил итог своим многолетним исследованиям античности. Подвести такой итог его заставляла не только потребность показать, что к изучению античности возможен не только подход, реализованный А.Ф. Лосевым, но и работа над осмыслением проблем современной науки, достаточно широко распространенное понимание последней как мышления о мире по способу древних греков. Основным итогом фактически стала культурологическая концепция Петрова, в рамках которой «греческое чудо» объясняется как случайный продукт случайного слома социальности традиционного типа в бассейне Эгейского моря. Доклад М.К. Петрова был встречен с большим интересом, хотя у многих слушателей возникли сомнения по поводу его марксистской ортодоксальности» [5, с. 10-11].

невозможной (с этих пор публикуются, в основном, рефераты и обзоры иностранной литературы в серии ИНИОН, некоторые переводы и статьи по науковедческой проблематике).

О том, насколько философские власти были задеты этой статьёй, можно судить по нескольким эпизодам из философской жизни тех лет. Во-первых, «обсуждение» журнала «Вопросы философии» в Академии общественных наук при ЦК КПСС 17-18 июня 1974 года, на котором в числе недостатков работы редакции журнала указывалось следующее: «Она порой берет под свою защиту, одобряет некоторые издания, содержащие серьезные идейно-теоретические ошибки, и отказывается публиковать материалы, в которых содержится критический анализ такого рода ошибок. Выступавшие в этой связи указывали на защиту членами редакции журнала ошибочных статей М.К.Петрова, Б.А.Грушина, А.Я.Гуревича и других» [17, с. 146]. Более того! «Даже после того, как редакции указывалось, что та или иная из опубликованных ею статей нуждается в серьезной критике, работники редакции журнала воздерживались от этой критики. Так было, например, с порочной статьей М.К.Петрова (1968. № 2)» [17, с. 148]. И так, даже через шесть лет после публикации «порочной» статьи М.К.Петрова философские власти не забыли о ней и поставили в вину редакции журнала «Вопросы философии» отсутствие критики этой статьи!

Следующий эпизод – уже в мае 1976 года. На расширенном заседании Учёного совета Института истории естествознания и техники Академии наук СССР состоялось обсуждение работы ежегодника «Системные исследования». В числе недостатков ежегодника также указывалось, что «Ежегодник стоит в стороне от идеологической борьбы против буржуазной идеологии и ревизионизма. Более того, в статьях ряда авторов – М.К.Петрова, Б.Г.Юдина, А.И.Каценелинбойгена... допущены политические ошибки» [приводится по: 3, с. 163]. Имеется в виду статья М.К.Петрова «Системные характеристики научно-технической деятельности», опубликованная в ежегоднике «Системные исследования» в 1972 году. Какие «политические ошибки» мог допустить Петров в этой статье?! Игорь Блауберг совершенно справедливо вспоминал: «...По поводу обвинений, которые касались статьи Петрова и были столь же неосновательными, мы имели возможность дать общий вывод: обвинение в том, что в ряде статей ежегодника допущены политические ошибки, фальсификация вопроса о роли партии и ее научного мировоззрения в развитии социалистического общества, следует категорически отменить как совершенно необоснованное и клеветническое» [3, с. 165].

В сентябре 1970г. М.К.Петров становится старшим научным сотрудником группы по изучению науки, организованной при Северо-Кавказком научным центром высшей школы. В СКНЦ ВШ в разных должностях, занимаясь исследованиями по организации научной жизни в регионах, он и проработал последние 17 лет своей жизни. 11 апреля 1987 г. М.К.Петров умер.

Михаил Константинович Петров оставил нам огромное философское наследие. Архив его рукописей (опубликована лишь малая часть этого архива) составляет 452 печ.л. [5, с. 26]. Однако не только написанное М.К.Петровым представляет философскую ценность. Сама его жизнь была реализацией его философских взглядов, и описанная нами биография М.К.Петрова – тому лишнее подтверждение.

В заключение приведём замечательные слова С.С.Неретиной: «Михаил Константинович Петров поделился с нами своим личным опытом, который не проходит даром, а входит в плоть и кровь науки, сознания, мышления, культуры. В этой плоти и крови хотелось бы, чтобы мы обнаружили его незамещаемость, увидели, что до сих пор это место пусто» [20, с. 46].

ЛИТЕРАТУРА

1. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Дело академика Г.Ф.Александрова: эпизоды 40-х годов // Философия не кончается... Из истории отечественной философии: XX век. Лекторский В.А. (ред.). В 2-х кн. Кн. I. 20-50-е годы. М., 1999.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. Блауберг И.В. Из истории системных исследований в СССР: попытка ситуационного анализа // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. В 2-х кн. Лекторский В.А. (ред.). Кн. I. 20-50-е годы. М., 1999.
4. Генисаретский О.И. В таких сообществах совершенно необходима этика незаинтересованного служения // Кентавр. 1992. № 6.
5. Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. Философ М.К.Петров: два эпизода и вся жизнь. Москва – Ростов-на-Дону, 2006.
6. Зиновьев А.А. Собрание сочинений в 10 т. Т.5. Гомо советикус. М., 2000.
7. Зиновьев А.А. Русская судьба, исповедь отщепенца. Москва, 2000.
8. Зись А.Я. Чему свидетелем был // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. В 2-х кн. Лекторский В.А. (ред.). Кн. I. 20-50-е годы. М., 1999.
9. Интервью с Г.Д.Петровой № 1 от 06.11.2006 г. // Личный архив Константинова М.С.
10. Интервью с Г.Д.Петровой № 2 от 17.04.2007 г. // Личный архив Константинова М.С.
11. Интервью с Ю.Р.Тищенко № 1 от 11.11.2006 г. // Личный архив Константинова М.С.

12. *Каменский В.А.* О «Философской энциклопедии» // *Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. В 2-х кн. Лекторский В.А. (ред.). Кн. I. 20-50-е годы. М., 1999.*
13. *Константинов М.С.* Элементы институционально-эволюционной теории в социальной философии М.К.Петрова. Ростов-на-Дону, 2005.
14. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 1991.
15. *Макаренко В.П.* Социокультурный фон исследований М.К.Петрова // *Практична Філософія. 2005. № 2.*
16. *Мамардашвили М.К.* Начало всегда исторично, то есть случайно // *Вопросы методологии. 1991. №1.*
17. *Митрохин Л.Н.* Докладная записка – 74 // *Философия не кончается... Из истории отечественной философии. Лекторский В.А. (ред.). В 2-х кн. Кн. 2 (60-80-е годы). М., 1999.*
18. *Неретина С.С.* Творчество как сущность (О концепции культуры М. К. Петрова) // *Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991.*
19. *Неретина С.С.* Приглашение к разговору // *Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995.*
20. *Неретина С.С.* Михаил Константинович Петров: жизнь и творчество. М., 1999.
21. *Пайтс Р.* Россия при старом режиме. Москва, 1993.
22. *Петров М.К.* Предмет и цели изучения истории философии // *Вопросы философии. 1969. № 2.*
23. *Петров М.К.* Экзамен не состоялся // *Дон. 1989. № 6.*
24. *Петров М.К.* Экзамен не состоялся (Продолжение) // *Дон. 1989. № 7.*
25. *Петров М.К.* Язык. Знак. Культура. М., 1991.
26. *Петров М.К.* Социально-культурные основания развития современной науки. М., 1992.
27. *Петров М.К.* Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону, 1992.
28. *Петров М.К.* Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995.
29. *Петров М.К.* Регион как объект системного исследования. Ростов-на-Дону, 2005.
30. *Пятигорский А., Садовский В.Н.* Как мы изучали философию. Московский университет, 50-е годы // *Свободная мысль. 1993. № 2.*
31. *Руткевич Е.Д.* Феноменологическая социология знания. М., 1993.

32. *Садовский В.Н.* Философия в Москве в 50 и 60-е годы // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. Лекторский В.А. (ред.). В 2-х кн. Кн. 2 (60-80-е годы). М., 1999.
33. *Сёмин В.Н.* Нагрудный знак "ОСТ". М., 1978.
34. *Самарина О.И.* Взаимоотношения молокан с государственной властью // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета. Выпуск 4. Ставрополь, 2004.
35. *Соловьёв Э.Ю.* Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991.
36. *Соловьёв Э.Ю.* Философский журнализм шестидесятых: завоевания, обольщения, недоделанные дела. // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. Лекторский В.А. (ред.). В 2-х кн. Кн. 2 (60-80-е годы). М., 1999.
37. *Стреляный А. М.* Петров: творчество и судьба // Дон. 1989. № 6.
38. *Чудакова М.* Заметки о поколениях в Советской России // Новое литературное обозрение. 1998. № 2/30.
39. *Шрейдер Ю.А.* Загадочная притягательность философии // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. Лекторский В.А. (ред.). В 2-х кн. Кн. 2 (60-80-е годы). М., 1999.
40. *Шубинский В.* Ещё один голос // Эпштейн М.Н. Новое сектантство. Самара, 2005.
41. *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2.
42. *Щедровицкий Г.П.* Я всегда был идеалистом... М., 2001.
43. *Щедровицкий Г.П.* На Досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. М., 2004.
44. *Mead G.H.* Geist, Identität und Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. Frankfurt am Main, 1968.